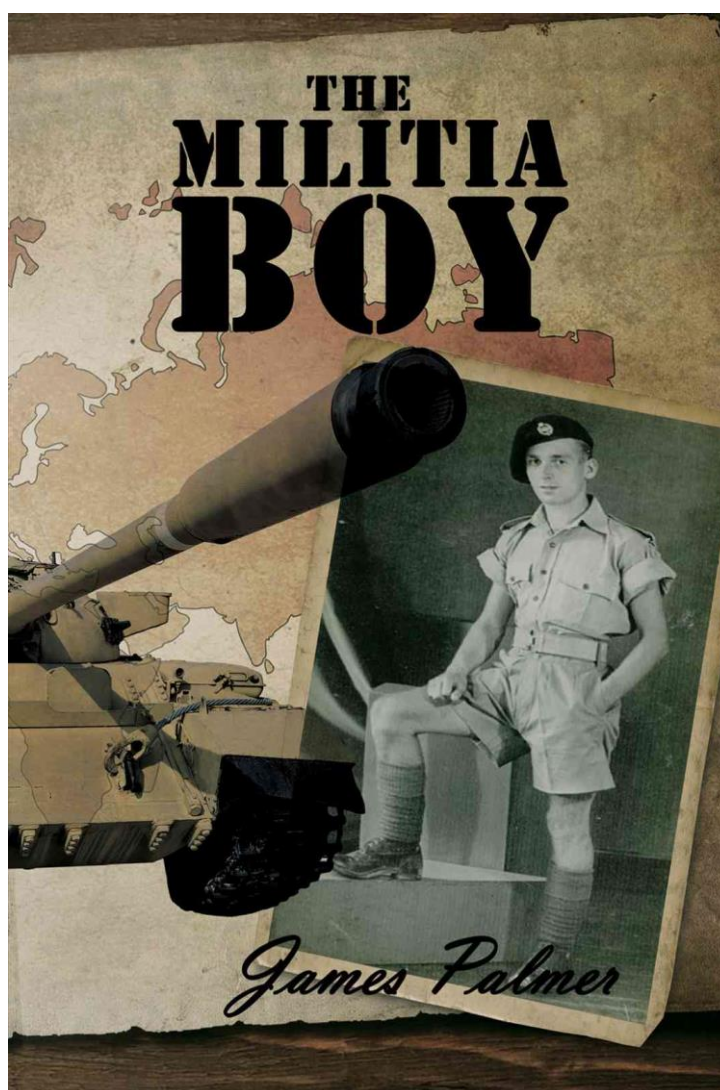

ВОСПОМИНАНИЯ БРИТАНСКОГО ТАНКИСТА ДЖЕЙМСА ПАЛМЕРА - ЧАСТЬ 1

ФРАНЦИЯ, 1940

Джеймс Палмер (James Palmer) родился в 1918 году в Манчестере. В 1939 году он записался в Милицию (Militia). В военизированных частях этой организации молодых людей возрастом 20-22 года 6 месяцев готовили к военной службе, после чего отправляли в запас. Начавшаяся ВМВ изменила ситуацию, и записавшиеся в Милицию стали обычными армейскими рекрутами. Палмер стал танкистом и впоследствии в составе 2-го Королевского Танкового Полка принял участие в боевых действиях во Франции, Северной Африке, Бирме и Италии. В конце войны он вновь оказался в Западной Европе, но больше не принимал участия в боевых действиях. Он оставил книгу воспоминаний о войне и умер в 1996 году.

Фотография Джеймса Палмера на обложке его книги The Militia Boy

... По прибытии в Шербур мы загрузились в поезд, направляющийся в Neuve Chattel (вероятно, речь идет о городе Нёшатель-ан-Бре/Neufchâtel-en-Bray, расположенном в 36 км к ЮВ от Дьеппа – ВК), где нам предстояло получить наши танки. Все казалось нам чрезвычайно приятно выглядевшим, когда мы сидели, [в дверях вагонов], свесив ноги и разглядывая пробежавшие мимо нас зеленые

поля. Сельские жители махали нам руками, когда мы проезжали через переезды и небольшие станции. Казалось, война от нас была очень далеко.

Эти иллюзии рассыпались около 4-х утра, когда разверзся ад. Большинство из нас дремало, свернувшись в клубок на полу вагона. Затем мы проснулись, услышав свисток паровоза и треск очередей наших пулеметов. Вражеский самолет вынырнул из облаков и обстрелял поезд. Несколько парней высунули пулемет *Брен/Bren* из двери вагона и открыли беспорядочную стрельбу в воздух. Никто из нас раньше не был под огнем, и никто не нашел приобретенный опыт приятным. Самолет растворился в воздухе, и мы успокоились. Потрясение было сильным, и в вагоне повисла странная тишина. Это была война, и мы находились в ее реальности...

Наше путешествие по просторам Франции замедлилось. Время от времени мы проезжали через разбомбленные станции. До этого никто из нас не видел, к чему приводят бомбежки, и вид этих станций сильно отрезвил нас. К вечеру мы, наконец, въехали в Нёшатель – здесь результаты бомбежки были самыми тяжкими из всего виденного нами по пути. Станции больше не было, а от домов, стоявших рядом с ней, остались голые стены и кучи обломков. Бóльшую часть города сровняли с землей. Остов небольшого склада все еще дымился. Наш машинист, казалось, хотел поскорее избавиться от своего груза и убраться отсюда побыстрее. Видя, что осталось от города, я не винил его...

Когда мы выпрыгивали из вагонов, завывали сирены, что вызвало еще бóльшую панику. Со стороны солнца к нам приблизилась группа самолетов. Бомбы посыпались на нас с тошнотворным воем, после чего началась безумная паника. Некоторые из нас нырнули под вагоны, другие упали на землю, вдавив в нее свои лица. Некоторые побежали и уже не могли остановиться, другие просто окаменели и не могли сдвинуться с места – они просто стояли, уставившись в небо и глядя на небольшие черные комочки, падавшие на землю по пологой кривой. Можно было почувствовать, как их взрывы поднимают землю. В качестве прощального жеста, самолеты сделали круг над станцией, потрескивая пулеметами. Нас по-настоящему встряхнуло, и, хотя мы потеряли всего 15 человек ранеными, нас не нужно было заставлять убираться со станции на максимально возможной скорости.

Наши танки были в лесу в трех милях от городка, и уже вскоре мы начали подниматься по склону, чтобы забрать их. Пехотинцы шли колоннами по одному по обе стороны дороги. Проходя через деревню, мы увидели, что она была покинута жителями. Дома были превращены в щебень и пыль. Я помню, как мне на глаза попались перепачканный кровью матрас, свисающий из окна спальни, и сидевший на нем кот, спокойно вылизывавший свои лапы. Все мы нервничали, на душе у всех было беспокойно, пока мы маршировали, но, добравшись до леса и увидев танки, все пришли в себя. Все нашли свои машины, я оказался среди своих товарищей из группы разведчиков. Раздали карты, мы начали загружать в машины боеприпасы.

Нервотрепка началась опять, когда прозвучал свисток, – это был сигнал о том, приближается самолет. Мы забрались под танки и броневики, или просто запрыгнули в ямки под деревьями. Самолеты покрутились над лесом, и мы поняли, что нас заметили. То, что они ушли, говорило лишь о том, что они позднее вернутся и разбомбят нас к черту. Мне было страшно и наплевать на то что, что кто-то мог это заметить... Следующий час мы потратили на то, чтобы вырыть окопы. Как только они были закончены, мы получили приказ двигаться. Лейтенант, командовавший нашим отрядом, коротко описал ситуацию. Оказалось, что немцы атаковали по всему Северному фронту и прорвались в направлении Соммы. Нам предстояло дойти до Абвиля/Abbeville и не дать немцам переправиться через реку. Или, по крайней мере, задержать их наступление.

Мы начали марш к месту нашего первого боя перед наступлением сумерек. Как только мы покинули лес, вернулись немецкие самолеты и отбомбились по нему – мы убрались как раз вовремя. На марше танки сместились влево, я оставался в группе разведчиков эскадрона А. Мы

получили задание добраться до реки и понаблюдать, что делает противник. Я должен был подготовить доклад и вернуться с информацией к полуночи. Все это выглядело просто, как во время учений, но здесь разница была в том, что теперь не было места ошибкам, поскольку игры закончились...

... Я был занят чтением карты, пока мы продвигались вперед, делая отметки о нашем перемещении. Неожиданно мы наткнулись на небольшой мост, который охраняли французские пехотинцы. Мост был уже подготовлен к взрыву. Про себя я подумал, что это не вяжется обстановкой, которую нам охарактеризовал наш взводный лейтенант. Предполагалось, что немцы еще не переправились через Сомму, а тут уже были французы, собиравшиеся взорвать мост, расположенный в семи милях от реки на нашей стороне. Я полагал, что они знают свою задачу, но надеялся, что они знают и то, что я направляюсь к Сомме и должен буду вернуться до полуночи!

Палмер и его товарищ Тафти Картер (Tufty Carter) наткнулись на небольшую ферму с недоенными коровами и попытались добыть себе молока. Особого успеха они не добились, выдоив через час всего кружку...

И тут началось! Нас разбросало, словно щепки. Бомба взорвалась рядом с воротами фермы. Затем, еще до того, как рассеялся дым, еще одна упала прямо рядом с коровником. Нас швырнуло на землю. Все вокруг горело. Еще один взрыв, и обрушилась стена. Затем еще один, который, казалось, заполнил все вокруг летящими обломками кирпичей. Я был слишком напуган чтобы двигаться. Я молился богу, чтобы на этом все закончилось, потому что не хотел, чтобы на нас еще что-то упало. Тафти орал: «Ублюдки, ублюдки!», мир превратился в ад. «Пора убираться отсюда ко всем чертям!» - прокричал Тафти, и мои ноги сами повиновались этому... Крыша фермы горела, коровник дымился. Коровы больше не мычали. Одна из них лежала на боку, ее кишки были разбросаны по покрытой соломой земле...

Наша машина осталась неповрежденной. Мы выкатились через ворота, проехали около трех миль, и тут я понял, что мы заблудились. Тафти ударил по тормозам, когда мы въехали в какую-то рожицу. Казалось, наступила полная темнота, и, когда он остановил мотор, мы услышали шум реки. Стояла тишина, я замерз и онемел. Только люди, которые только что испытали настоящий ужас, поймут, что мы чувствовали. Мы сгорбились на переднем сидении, покрытые соломой с ног до головы. Лицо у Тафти было пепельного цвета, все в копоти. Руки у нас безостановочно дрожали. Мои ноги отяжелели и словно уже не были частью моего тела. По моему лицу и спине стекал холодный пот. Я не мог думать ни о чем, кроме как о том, с каким воем бомбы падали на ферму и железнодорожную станцию, о том, как пулеметные очереди хлестали по нашему поезду. Я никогда не мог и представить себе что-то столь ужасное. У меня щипало в глазах, и тут я понял, что плачу. Справа от себя я услышал негромкий стон – это рыдал Тафти. Никогда не думал, что мужчины могут так в открытую плакать, но мы просто окаменели. Я помню, что не испытывал стыда из-за того, что был в слезах.

Мы посидели там какое-то время, не двигаясь и не переговариваясь – каждый из нас погряз в страхе от пережитого... Постепенно Тафти начал говорить. Сначала его речь была бессвязной, просто бормотание. Затем, когда он начал изрыгать проклятия и ругань, слова стали приобретать форму. Я начал смеяться. Это не был смех от радости, скорее, смех тронувшегося умом. Должно быть, в темноте это звучало жутко, но так я избавился от напряжения внутри себя. «Ты оставил там долбаный котелок, - заорал Тафти. – За каким чертом тебе понадобилось проявлять заботу об этих коровах?» Я оказался виноватым! Тафти просто нужно было оторваться, и я получил по полной от извержения его армейского лексикона.

Я почувствовал себя намного лучше. Мне так и не пришло в голову, насколько нам повезло. Весь эпизод стал приобретать совсем другое звучание. Мы оба решили, что мы оказались просто парочкой долбанных героев. Закурили и успокоились. Я развернул на своих коленях карту, пытаюсь

понять, где мы находимся. Мозг снова заработал. Согласно карте, река слева от нас вела к Сомме. Она находилась милях в двух от нас по дороге, ведущей через перелесок. Включив фонарик, я показал Тафти предполагаемую дорогу.

Тафти завел машину, и мы осторожно тронулись в путь. Оба молчали, чувствуя каждую кочку и колдобину на дороге. Неожиданно из каких-то ям появились наши пехотинцы и через несколько секунд окружили нас. Тафти резко остановился, когда ствол пулемета *Брен* чуть было не уткнулся ему в лицо... Пехотинцы были разбросаны по всему перелеску, они всматривались в темноту и находились в ожидании. Река была рядом. Ходили слухи о том, что что-то происходит, и все подозревали, что гусеничные машины противника уже поднимаются от реки вверх по склону. Однако на тот момент никто не пытался форсировать реку.

Время от времени было видно, как трассы очередей пересекают небо, был слышен стук пулеметов. Мы оставили нашу машину, повернув ее в ту сторону, откуда прибыли, пробрались через заросли ежевики и нашли окопчик, из которого просматривалась долина реки. Слева от нас была слышна артиллерийская стрельба, где-то рядом кто-то передавал закодированное сообщение. Обстановка была напряженной, и мы с облегчением услышали приказ возвращаться в эскадрон *А* и доложить об увиденном. Тронулись в путь, оставив за собой место, где каждый ждал, что вот-вот случится что-то страшное. Мои глаза были воспалены, я страшно устал. Мои мысли скакали от одного к другому, страхи накатывали на меня один за другим...

К полуночи мы добрались до эскадрона *А*, расположившегося в небольшой залесенной долине. Экипажи машин находились в счастливом неведении о том, что их ждало завтра утром. Когда не знаешь, что тебя ждет в будущем, это одна из божьих милостей...

Вокруг небольшого грузовичка танкисты установили заслон из своих машин. В грузовичке командир эскадрона изучал большую цветную карту. Карта была усеяна карандашными пометками. Когда я доложил обстановку, командир занялся обновлением своих планов. Тафти и я решили, что планирование – не наше дело, мы свое дело сделали, и все, чего мы хотим, это немного поспать. Мы улеглись на землю рядом с нашей машиной и уснули.

Мы проснулись, разбуженные приглушенным шумом – все пришло в движение. Ребята сворачивали свои одеяла и загружали танки. Вокруг стояли группы парней, спешно глотавших свой чай и жевавших галеты и сэндвичи с тушеной говядиной. Один за другим заработали танковые двигатели. Вскоре вся долина вибрировала, и, казалось, все машины были готовы сорваться с натянутого поводка. Поскольку мы должны были поддерживать связь между эскадроном и штабом батальона, мы уже вскоре были рядом с командирским танком и получали последние инструкции. В воздухе носилось что-то вроде приглушенного возбуждения, и я знал о том, что у многих в животе было беспокойно. Нам предстояло в первый раз вступить в бой...

Все двинулись в сторону реки. Переговариваться было бесполезно, потому что все тонуло в реве двигателей и лязганьи гусениц. Вскоре мы уже скатывались к берегу реки. Винтовочные выстрелы звучали все чаще, треск пулеметных очередей становился уже не таким спазматическим. Артиллерия позади нас открыла огонь, заставляя нас стискивать зубы, когда снаряды со свистом проносились у нас над головами. Мы видели, как там, где они падают на землю, появляются клубы дыма, затем, мгновения спустя, до нас доносился грохот разрывов. Левее от нас по фронту, было заметно какое-то движение, поэтому танковые двухфунтовки выпустили туда несколько снарядов, хотя я не думаю, что хотя бы один из них попал в цель...

Танки эскадрона выстроились в линию вдоль реки. Перед нами была малозаметная грива, дающая нам некоторую защиту. Мы уже могли разглядеть вражеские танки на противоположном берегу. Затем, совершенно неожиданно, весь противоположный берег реки покрылся множеством людей, двигавшихся в нашем направлении. Противник предпринял попытку форсировать реку под

прикрытием жесточайшего артиллерийского огня. Наш эскадрон поднялся на гриву, чтобы принять на себя удар... То, что произошло потом, случилось в полной сумятице. Все случилось так быстро, что мы были просто ошеломлены. Когда мы въехали на гриву, противотанковые пушки обстреляли нас с правого фланга. Не прошли мы и десятка ярдов, когда четыре наших танка уже были объаты пламенем. Да, мы были просто легкой добычей для них! Весь эскадрон был как на ладони, и все, что нам оставалось, это вести ответный огонь с как можно большей скоростью. Грохот стоял невообразимый, но сквозь него до нас доносились крики и стоны умирающих товарищей...

Тафти погнал нашу машину к командиру эскадрона, который отчаянно пытался перегруппировать танки. Но двигатели глохли, гусеницы слетали, некоторые машины горели. Парни пытались выбраться из горящих машин. Некоторые из них только и успевали, что высунуться из башен до пояса... Я видел, что некоторые лежат на земле рядом со своими танками, придерживая оторванные руки и ноги, и криками зовут кого-нибудь помочь. Я видел, как некоторые парни мечутся между деревьями в комбине зонах, горящих словно факелы... Снаряды прилетали со свистом и взрывались здесь и там, воздух был наполнен дымом и летящей шрапнелью. Парни пытались оттащить своих товарищей прямо по грязи подальше от горящих танков, и я вдыхал запах горячей [человеческой] плоти. Подбитые танки бросали. Люди продирались сквозь кустарник, пытаясь найти укрытие, но не находили его!

Казалось, бежать было некуда. Свернувшись в клубок на полу нашей машины, я слышал звон [падающих] в нее пуль и стук осколков. «Боже, - подумал я. – Это конец!» Но Тафти продолжал жать на газ, пока мы, слава богу, не добрались до позиций хорошо окопавшейся пехоты, готовой отразить атаку [противника]. Мы добрались до места сбора с таким чувством, что нас хорошо отстегали в нашем первом же бою...

В тот день мы потеряли более 20 человек убитыми и 23 человека ранеными. Из 25 парней, с которыми я служил еще в *Милиции* и которые пришли в эскадрон вместе со мной, остались целыми и невредимыми только четверо. Казалось, мы все повзрослели с того момента, как в то утро наступил рассвет, но на часах было только 8.30. За три часа мы прошли через крещение огнем и первое поражение...

Укрывшись в зарослях, мы выжидали, ждали возможности убраться восвояси, не зная, куда идти. Все молчали. Выяснить, что происходит вокруг или в каком направлении путь открыт, возможности не было. [После попыток что-то выяснить] парни возвращались по двое или по трое, пробираясь через кустарник. Все они выглядели, как испуганные кролики. Притихшие или шумные, все они были бледными от страха... Гул моторов дал нам понять, что наши уцелевшие танки отступают вниз по долине. Понемногу парни один за другим стали уходить в сторону леса. Неожиданно один из наших, Ник Бёрнс (Nick Burns), забрался в нашу машину и уселся на переднее сидение. Тафти выволок его с водительского места, но парень по-прежнему не проронил и слова. Он просто смотрел на нас остекленевшими глазами. Его губы обвисли, и из уголка рта сочилась кровь. Комбинезон у его левого бедра был, вроде как, мокрым, и тут мы увидели лужу крови на полу нашей машины...

Я заткнул бинтом дыру в ноге Ника, расположенную прямо под левой половиной его задницы. В результате бинт быстро набух кровью, словно губка. Тафти завел мотор, пока я помогал Нику. Мы въехали в лес, потом добрались до ближайшего перевязочного пункта, откуда санитары уже могли утащить раненых в тыл на носилках. Они осторожно подняли Ника, который к тому времени потерял сознание, и слава богу, потому что теперь он уже не чувствовал боли.

Пока наши танки уходили на юг, подъехали трехтонные грузовики, чтобы забрать раненых. Никто толком не знал, что происходит. Мы знали только то, что никто нас не преследовал. Противник был уверен в том, что разнес нас в пух и прах. Мы следовали за транспортной колонной по лесной дороге, потом она сменилась ухабистой дорогой для телег, огибавшей с юга невысокий холм. Где-

то через полчаса мы добрались до небольшой рощи, где находилась передовая, и припарковали машину. Одни солдаты энергично окапывались, другие сидели за своими *Бренами*, направленными в ту сторону, откуда мы только что подъехали. Мы заправили машину, и уже через полчаса колонна тронулась в путь, чтобы присоединиться к нашему батальону где-то в десяти милях дальше к югу. По мере того, как расстояние между нами и рекой увеличивалось, мы расслаблялись все больше и больше. Успокоившись, покуривая сигареты, уже вскоре мы начали переговариваться друг с другом и даже посмеиваться. Однако я должен сказать, что смешки приходилось из себя выдавливать...

В полевом лагере нас ждали, и повар приготовил нам густое жаркое из говядины. С утра мы особо не думали о еде, но теперь чувствовали голод и жажду. Жаркое оказалось более чем кстати. Потом, проверив уровень горючего и масла в машине, мы крепко уснули рядом с ней. Должно быть, было около 9 вечера, когда нас разбудил лейтенант Майк (Mike). Он хотел, чтобы мы отвезли майора в батальонный штаб. Время суток мало что значило для нас, но становилось темно. Большинство парней лежало на земле между грузовиками. Другие были заняты тем, что углубляли свои окопчики. Никто не болтал помногу, даже грузовик повара был загружен и готов в любой момент тронуться в путь. Одна небольшая группка играла в карты, другие на скорую руку кипятили чай. Новостей не было, все, что мы знали, это число оставшихся в батальоне танков – 17 машин. Эти семнадцать танков были собраны в сводный эскадрон и отправлены к реке для поддержки пехоты.

Ожидавшийся прорыв немцев не состоялся, но ходили слухи, что были замечены их передовые патрули где-то в шести милях от нас по дороге. Из леса мы могли посматривать на дорогу, и парни говорили, что видели непрерывный поток гражданских, идущих весь день на юг. Половина наших парней сидела в окопчиках на краю леса, отслеживая, что происходит. Тафти и я получили приказ занять позицию рядом с небольшим мостиком, переброшенным через ручей.

Из нашей ячейки, вырытой за небольшим кустом, мы хорошо видели поле на склоне, спускавшемся к ручью. Проверив наш *Брен* и устроившись с максимально возможным комфортом, мы укрылись противохимическими плащами и стали ждать... Было уже темно, помню, что мы видели в кустах светлячков. Где-то через час небо стало краснеть. За этим последовали грохот артиллерии. Мы вычислили, что обстреливают цели где-то близ *Абвиля/Abbeville*, но по ночам трудно составить представление о расстоянии. Временами небо освещалось разноцветными сполохами, за которыми неизбежно следовали грохот и шум разрывов. Мы сидели в своей ячейке, наблюдая за фейерверком без особого беспокойства. Все это происходило довольно далеко от нас, и там, куда летели снаряды, нас не было. Казалось невозможным то, что после всего одного дня боев мы были способны наблюдать такое безо всяких эмоций...

Всего лишь прошлым утром Джинджер Блайт (Ginger Blythe) забрался в свой танк, обмотав вокруг своей шеи, словно шарф, чулок своей подруги... Больше ей не придется писать ему письма, в которых она просит его вести себя хорошо. Джинджер уже был мертв. Юный Стэн (Stan) из Скарборо. Парень, который играл на корнете в оркестре Армии Спасения. Застенчивый юный Стэн, которого вырастили в пуританской среде и который не понимал половины наших шуток. Должно быть, ему было трудно оказаться среди такой грубой солдатской массы. Не было таких, кому Стэн не нравился, и, я думаю, он начал относиться к нам с большей теплотой, несмотря на все наши закидоны. Мы все были поражены, когда Стэн оказался действительно классным наводчиком. Он говорил, что это произошло потому, что на его зрение не было подпорчено выпивкой и всякими дикими штуками. Жаль, что у немцев нашлась пушка получше той, что была в его распоряжении. В его танк попали до того, как он сумел навести ее. Стоки Уйтло (Stalky Whitelaw), Джадж Уотсон (Judge Watson), Сэм Дойл (Sam Doyle), Тэфф* Эванс (Taff Evans) – все они остались лежать где-то рядом с рекой, а может все еще тлели в своих сгоревших танках.

Подбитый районе боев у долины реки Соммы британский легкий танк МК VIC
<https://es.m.wikipedia.org/wiki/Archivo:IWM-F-004591-light-tank-MkVIC-194005.jpg>

Сполохи освещали небо все чаще. Мы видели, как с севера в нашу сторону небо стали пронизывать трассы очередей. Обстановка накалялась, я стал чувствовать, что мерзну в этом сыром окопе. Я стал молиться: «Господи, сделай так, чтобы нам сегодня больше не досталось!» Сзади донесся какой-то шум, который испугал нас обоих. Тафти повернул назад свой *Брен*, но это был помощник повара Вилли Уайлд (Willy Wild), который пришел сказать нам, что нужно возвращаться в лагерь, поскольку мы вот-вот уходим... Когда мы вернулись в лагерь, конвой уже был в движении, так что мы нашли свою машину и тронулись ему вслед. Никакого света, никакого курения, никаких разговоров в пути – таков был приказ. По дороге мы видели группы французских солдат, сидевших в [придорожных] канавах. Их прислали сюда для того, чтобы они взяли этот сектор фронта под контроль, так как мы уходили в тыл, чтобы переоснастить батальон. Добравшись до главной дороги, мы наткнулись на потоки беженцев, идущих на юг. Впервые в жизни я видел людей, покинувших свои дома и тащивших с собой свои пожитки. Позднее эти ручейки превратятся в половодье, и дороги станут непроходимыми...

Наступил рассвет, и мы увидели этих бедолаг, сидящих на своих мешках по обочинам дорог. Тут были маленькие дети с одеялами, наброшенными на плечи, и люди постарше, которые везли свои вещи на колясках. Автомобили с матрасами на крышах стояли, наполовину съехав в кюветы... Где-то в шесть утра конвой остановился, потому что на дороге случился затор. Через полчаса наша колонна съехала с дороги и двинулась дальше по идущей слева грунтовке. Какое-то время мы двигались вперед с ощутимым результатом.

Затем это случилось, и все, что мы могли сделать, - это наблюдать за происходящим. Из облаков донесся пронзительный вой, и четыре самолета пронесли над забитым людьми перекрестком. Оттуда, где мы были, - со стороны находившейся в тени деревьев грунтовки, все выглядело, как театральная постановка. Длинные потоки беженцев растеклись по придорожным канавам, бросив свои пожитки на дороге. Некоторые остались стоять, глядя в небо. Какое-то время казалось, что мир замер в ожидании страшного мгновения, с которого начнется побоище. Донесся глухой звук взрыва, и облако дыма закрыло перекресток. Затем с ужасающим воем и треском самолеты обстреляли дорогу. Мужчины, женщины, дети гибли, автомобили горели. Даже на расстоянии мы слышали крики и стоны раненых. Наш ужас обратился в ненависть. Это уже была не война, это было чертово

убийство! Теперь мы знали, что в этом холокосте правила соблюдаться не будут... Нам не оставалось ничего другого, как продолжить движение.

Погибшие на одной из дорог французские беженцы

<http://www.museumsyndicate.com/item.php?item=56506&tag=56>

К полудню мы добрались до небольшой деревни, где нам предстояло перегруппироваться и получить новые машины. Деревня выглядела заброшенной, большинство жителей ушли в Руан/Rouen. Дорога была усеяна обрывками бумаги и старыми тряпками. Двери и окна были заколочены. Лишь один или два старых человека сидели на ступеньках у дверей или стояли, прислонившись к стенам. Нас встретили враждебно, и носившаяся в воздухе гнетущая атмосфера была просто заразной...

Штаб располагался во дворе небольшой фермы. Нам сразу нашлось дело, времени на обсуждение недавних событий не было. Вокруг стояли часовые, все машины проверялись. Танкистов без машин сводили в пехотные отделения. Других отправляли в Ле Ман/Le Mans за новыми танками. Боеприпасы собирали и организовывали их складирование. Из-за всех этих занятий у нас осталось всего несколько часов для сна. К вечеру мы в той или иной степени разгреблись со всеми делами. Некоторые из ребят сумели раздобыть какое-то количество курочек, которые окончили свой путь в большом котле...

На следующее утро нас отправили на рекогносцировку, но, казалось, ничего особенного не происходило. Наши позиции, расположенные непосредственно к югу от Абвиля, вроде как, были устойчивыми. Пехота обустроивала оборонительную линию с помощью французов. В 11 утра нам нанесли визит Люфтваффе, но они не причинили нам никакого вреда. Остальную часть дня мы окапывались и зарывались так, чтобы гарантировать себе возможность нырнуть в окоп и залечь на его дне в одно мгновение. К 10 вечера мы подустали и были рады возможности зарыться в солому на полу конюшни и заснуть сном усталого человека.

Через два дня прибыли новые танки. Их было 10, а не 30, как мы ожидали, но мы были рады и этому. Скорость, с которой все делалось во дворе фермы, увеличилась, и мы знали, что снова готовы вступить в бой. На этот раз, как поговаривали, мы будем пытаться взять Абвиль. Когда приблизился вечер, боевая группа начала продвижение на север еще раз. Марш в сторону реки вызывал тяжелые чувства. Воспоминания о нашем прошлом *visite* заполнили мои мысли. Вероятно, на этот раз все будет не так плохо. Вероятно, все закончится быстро, и у нас появится возможность расслабиться. В тот момент я не сомневался, что на следующий день со мной все будет в полном порядке. Мне и в голову никогда не приходило, что я могу быть ранен. Я не особенно беспокоился о будущем, мой мозг сконцентрировался на происходящем в настоящий момент.

Колонна с шумом продвигалась по грунтовой дороге в полной темноте. Между деревьями, сквозь кустарник мы видели язычки пламени, вырывающиеся из выхлопных труб танков, воздух был спертым из-за дыма от отработанного топлива. Рев моторов и лязг гусениц оглушали. Командиры танковых экипажей стояли – их головы торчали из башен, поверх беретов были видны наушники. Треск радиостанций смешивался с гулом двигателей. Мы продвигались медленно из-за многочисленных остановок. Мало кто говорил о чем-то. Во время остановок у танкистов появлялся шанс высунуть головы из душных и темных внутренностей своих машин и глотнуть свежего воздуха. Кроме деревьев и кустарника ничего не было видно. Когда небо на востоке начало светлеть, мы увидели, что в придорожных канавах полно французских пехотинцев. Это был жалкое зрелище, настолько измученными и апатичными выглядели эти скорчившиеся в грязи люди. Они молчали, просто уставившись на нас своими слезящимися глазами на почерневших лицах. Ожидание, ожидание, ожидание – чего именно, мы не знали. Мы, на самом деле, знали, что что-то шло не так, поэтому не были удивлены, когда все танки съехали с дороги и рассредоточились по лесу. К командирскому танку непрерывно подъезжали вестовые и тут же отъезжали. Затем мы узнали о том, что атака на Абвиль отменяется!

Когда наступил рассвет, танки были в лесу, а танкисты были заняты приготовлением чая. До нас донеслись новости: немцы обошли линию Мажино, оставив за собой все наши пушки направленными не в ту сторону. Французы совершали тактический отход. Немецкая бронетехника делала свой *блицкриг*, и мы оказались под угрозой окружения.

К этому моменту мы уже видели колонны деморализованной французской пехоты, бредущей вдоль лесных опушек. Связисты прокладывали телефонную линию вдоль дороги. Склады боеприпасов готовили к подрыву. Солдаты продолжали рыть окопы, и ярдах в 50 от нашей стоянки готовили пулеметные гнезда. Все это можно было охарактеризовать словом *паника*, и вскоре стало очевидно, что нам предстоит быть в арьергарде у французов, чтобы дать им возможность перегруппироваться и снова вступить в бой.

Прикатили пушки. Затем артиллеристы начали окапываться, готовясь поддержать французскую пехоту. Мы получили срочный приказ сниматься и двигаться на запад, чтобы занять позиции на гряде, с которой просматривалась небольшая ферма, расположенная на расстоянии около одной мили. Танки с грохотом стали пробиваться через лес, сминая деревья и кустарник. Мы выбрались из леса и, на пути к гряде, оказались на открытой местности. Нам показалось, что противник уже поджидал нас на выходе из зарослей. Засвистели снаряды, раздались первые взрывы. Боже мой, опять нас подловили... Мы даже не знали, что и кто лупит по нам. Вражеская артиллерия вела огонь с большой дистанции. Признаков присутствия наводящих ужас немецких *панцеров* не было. С бронетранспортеров прыгивали небольшие группки маленьких серых фигурок, но они сразу же начинали окапываться, не предпринимая попыток наступать. Французская пехота вела огонь по этим фигуркам. Когда артиллерия открыла огонь, снаряды стали пролетать у нас над головами. Для нас это было что-то вроде игры *piggy-in-the-middle***. Вскоре стало ясно, что наша задача – мобильная огневая поддержка пехоты. Немецкой бронетехники все еще не было видно, и события стали развиваться по схеме *выстрелил-пригнулся/shoot and duck*.

Когда наступил вечер, мы отошли, чтобы заправиться и получить боеприпасы. Пехоте была оказана поддержка, и ей удалось создать удовлетворительную линию обороны. Ожидаемый прорыв *панцеров* не состоялся, и Люфтваффе не проявили совершенно никакой активности. В последующие два дня ситуация оставалась стабильной, затем просочились новости. Немцы нанесли удар к северо-востоку от нас. Кале был взят. Бельгийская армия развалилась, когда немцы обошли Линию Мажино. Теперь немцы стремительно продвигались вдоль побережья и угрожали Шербургу. Весь Британский Экспедиционный Корпус за исключением нескольких малочисленных частей был буквально прижат к проливу в районе Дюнкерка. Вся британская армия оказалась на пляжах, дальше было только море. Мы застряли где-то посередине, окруженными с трех сторон, и не могли двинуться на север, восток или запад - наше положение было безнадежным! Мы получили приказ отступить на юг и убраться к черту.

Мы направились в сторону Руана, двигаясь по ночам, соблюдая полную светомаскировку. Все дороги были забиты беженцами, некоторые были на телегах, некоторые шли пешком. Казалось, бежит все население, не имея понятия, куда идти. По обочинам дорог стояли машины с матрасами на крышах: в них не было горючего. Всюду валялись предметы одежды и домашняя утварь, в придорожных канавах сидели испуганные люди. Некоторые отрезки дороги, мимо которых мы проезжали, побывали под обстрелом. Это были сцены полного опустошения: сгоревшие машины, перевернутые телеги, кучи пропитанной кровью одежды. Небольшие группы гражданских рыли неглубокие могилы для своих убитых близких....

Мы добрались до Руана рано утром, когда наступал рассвет. В городе стояла странная тишина, казалось, из него ушли все жители. Самолеты появились в воздухе еще раз, когда мы проезжали через центральную площадь близ собора. По нам еще раз отбомбились и нас еще раз обстреляли. На мосту в окрестностях города мы увидели несколько брошенных французских танков. Горожане сидели в своих подвалах... Примерно в 20 милях к югу от Руана мы остановились в деревне, которая, насколько я помню, называлась *Catanai* (?-ВК). Там мы встретили полковой конвой с грузами. Наши танки выработали свой ресурс, поэтому нам пришлось бросить большую их часть по дороге. Как ни удивительно, наши потери были минимальными за последние пять дней, но все были измотаны до предела.

Прежде чем бросить какой-либо танк, мы разбивали пушечные затворы, чтобы не дать противнику возможности воспользоваться им. Каждому из нас достались либо винтовка, либо пулемет *Брен* в дополнение к имеющимся у нас револьверам. Нам приказали оставить при себе противогазы, противохимические накидки, плащ-палатки, по одному одеялу на человека, личное оружие и столько боеприпасов, сколько мы могли унести. Было очевидно, что мы будем дальше путешествовать налегке. Нас погрузили в трехтонные грузовики, и, перед тем как мы тронулись в путь, все остальные машины, включая легкие танки, были взорваны ручными гранатами.

В каждый грузовик закинули по ящику тушенки, все флаги были наполнены водой... Мы отправились в путь сразу после полуночи, никто не знал, в каком направлении. Кто-то говорил, что мы едем в Испанию, другие – во Французскую Ривьеру. Определенным было то, что мы едем на юг. Мы ехали всю ночь, а когда наступил рассвет, мы въехали в небольшую деревню, носившую название *Lavel* (? - ВК)...

... В эскадроне сохранили одну рацию, так что в полдень колонна остановилась, чтобы связаться с кем-нибудь из старших офицеров. Мы использовали эту возможность для того, чтобы заправиться тушенкой и галетами. Когда переговоры по радиации закончились, наш командир сообщил нам новости из Дюнкерка. Казалось, все, что ходит по морю, бросилось в путь через пролив, чтобы забрать домой экспедиционный корпус. Эвакуация закончилась. Больше возможностей для вывода войск из Франции не было! Остальных бросили на произвол судьбы. Мы онемели и были ошарашены, однако мы знали, в какой ситуации оказались. Все, что нам оставалось, это ждать

немцев, которые подберут нас, а затем провести оставшуюся часть войны в лагере для военнопленных. У меня было такое чувство, что, по крайней мере, для нас все кончилось, и мы все еще были целы и невредимы.

Около восьми [вечера] нам снова приказали рассестся по грузовикам. Мы снова тронулись в путь, на этот раз, сами не зная куда. По крайней мере, мы не собирались сидеть сложа руки и ждать последней поверки. Когда мы ехали той ночью, настроение у всех было такое: будь что будет. Наступил рассвет, а мы все ехали. День был ясным и солнечным, так что мы смогли немного расслабиться. Большинство поспало по нескольку часов, свернувшись на полу кузова... Колонна остановилась на узкой дороге, и нам приказали спрыгнуть на землю. То, что мы увидели вокруг, привело нас в ужас. По обочинам дороги были разбросаны сгоревшие машины. Прочее снаряжение было свалено в огромные кучи и все еще дымилось. Гусеничные машины валялись на боку, у грузовиков были разбиты радиаторы, шины были продырявлены. Из моторов было слито масло, потом их запустили, пока их не заклинило... Одежда, ранцы, спальные мешки, средства связи, планшеты, переломанные винтовки, патронные ящики, цистерны, носилки, каски, ящики с тушенкой, канистры для бензина, джипы, бронетранспортеры, минометы, санитарные фургоны – все было приведено в негодность и брошено...

Машины, брошенные британцами. Франция, 1940

<https://www.nam.ac.uk/explore/defeat-west>

Мы были всего в двух милях от Бреста, и нам сказали, что, возможно, будет судно, которое перебросит нас через пролив. Нам приказали лечь и немного поспать, но быть готовыми тронуться в путь сразу же по поступлении приказа. Свето- и шумомаскировка были обязательными. К этому моменту я попал в одну группу с отделением связистов, и вместе с ними нашел место посуше рядом с перевернутым трехтонником. Уставшие, мы сразу же уснули. Ночь была холодной, и проснулись мы довольно рано. Было темно, стояла тишина. Затем, к нашему ужасу, мы увидели, что все

остальные ушли, бросив нас. Мы подобрали все необходимое и пошли дальше по дороге, усеянной следами разгрома и разрушения...

Улицы [Бреста] были пустынными, но, приблизившись к гавани, мы увидели небольшой парходик, отходящий в море. У пирса стояло еще одно судно, поэтому мы бегом бросились к нему, в горячке выкрикивая: «Господи, не уходите без нас! Подождите, разве вы не видите, что мы бежим к вам?» До нас донесся гул налетевших самолетов, мы услышали спазматическую стрельбу по ним с крыши склада. Самолеты прошли над гаванью совсем низко и обстреляли ее. Мы слышали, как трещат очереди и как пули со звоном отскакивают от стен и пирсов. Все это мы слышали и видели, прижавшись к земле между двумя здоровенными бочками. На этот раз я не молил бога о спасении, я орал на него...

Британские солдаты на пути в гавань Бреста. Июнь 1940 года.

<https://www.pinterest.com.au/pin/108508672244317165/?lp=true>

Стоявшее у причала судно было забито канадскими пехотинцами. Оно имело нехороший крен. Крупный мужик из числа шотландских гвардейцев (Scots Guards) орал на них, призывая переместиться к другому борту, чтобы избавиться от крена. Мы стали взбегать по дощатому трапу тогда, когда его уже начали втягивать на борт. Судно медленно начало отходить от пирса. Тут я заметил надпись на одной из шлюпок: «The Lady of Mann». Это был один из паромов с острова Мэнн... Я лежал и истерически хохотал, потому что вспомнил, что это самое судно возило нас на каникулы в лагерь, когда я еще был в *Boys Brigade****. Судьба была благосклонна ко мне на этот раз. Я хохотал, но по щекам текли слезы...

Мы были всего лишь в сотне ярдов от берега, когда самолеты вернулись, чтобы расправиться с нами. На этот раз они сбросили бомбы, и одна из них или несколько упали довольно близко. Судно трянуло, оно качнулось, волна от взрыва нахлынула на палубу, и мы чуть не захлебнулись в этом потоке. Открыл огонь пулемет, затем еще один, который был ближе к носу, присоединился к нему.

В то время все, кто был на палубе, начали пальбу из своих винтовок и *Бренов*. Наша стрельба и вынырнувший из облаков *Спитфайр/Spitfire* отогнали немцев.

На верхней палубе лучше было не задерживаться, и я спустился по трапу на нижнюю. Она была забита солдатами, которые буквально лежали друг на друге... Спотыкаясь об них, я пробрался на другой конец палубы, где находился камбуз размером в четыре квадратных фута. В нем хозяйничал низенький толстый кок, обливавшийся потом и кривший матом всех и вся. Он сильно нервничал, что было понятно. На плите стояла сковорода, на которой готовилось жаркое. Когда я сказал коку, что я из Манчестера, он сунул мне в руки полную миску жаркого и сказал: «Глотай все это, парень, я разбужу тебя, когда мы дойдем до дома.» Тепло камбуза и жаркое разморили меня, и я уснул с миской на коленках, так и не очистив ее.

Британские солдаты на борту судна, эвакуирующего их из Бреста. Июнь 1940 года
[https://en.wikipedia.org/wiki/British_Expeditionary_Force_\(World_War_II\)#/media/File:The_British_Army_in_France_1940_F4826.jpg](https://en.wikipedia.org/wiki/British_Expeditionary_Force_(World_War_II)#/media/File:The_British_Army_in_France_1940_F4826.jpg)

Когда я проснулся, судно опять накренилось на один борт. Все, кто был на нижней палубе, рвались к иллюминаторам, чтобы увидеть берег. «Это Портсмут! Это Плимут! Это Бриксхем!» Я не знал, где мы, или не придавал этому значения, поскольку мы были в Англии. Мы добрались до дома через 15 дней после того, как была завершена эвакуация с пляжей Дюнкерка!

Примечания

- ♣ *Тэфф* - распространенное прозвище валлийцев
- ♣♣ *Piggy-in-the-middle* - детская игра, в которой два или более игрока должны передать мяч друг другу, в то время как игрок в середине пытается перехватить его
- ♣♣♣ *Boys Brigade* - международная межконфессиональная христианская молодежная организация

По книге

James Palmer. The Militia Boy. 2018

Перевод и обработка – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org